

М.В. Могилатова

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА АРТУРА КОНАН ДОЙЛА В СИБИРСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ В.В. КУРИЦЫНА)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00094/18
«Специфика авантюрного романа в томской дореволюционной периодике: на примере цикла романов
Не-Крестовского (В.В. Курицына)».*

Рассматривается рецепция творчества А.К. Дойла в произведениях томского автора В.В. Курицына, который в начале XX в. создал серию уголовных романов с детективными мотивам. Исследование выявляет сюжетные и типологические пересечения, общие черты и принципиальные различия произведений двух авторов. Сопоставительный анализ позволяет сделать вывод о том, что для В.В. Курицына было важным с помощью рецептивных механизмов ввести в сибирский уголовный роман тему «томского Шерлока Холмса».

Ключевые слова: А.К. Дойл; В.В. Курицын; Шерлок Холмс; детектив; рецепция.

Введение

В начале XX в. в России происходили процессы «синхронизации» столичной и провинциальной жизни в разных сферах: политики, экономики, культуры, литературы, журналистики и т.д. Это было особенно важно для отдаленного российского региона – Сибири, потенциал которой стал развиваться на фоне либерализации общественной жизни после Первой русской революции, а также в результате большей транспортной доступности (Транссиб), научно-технического прогресса и т.д. Сибирские писатели и журналисты в этот период стали осваивать новые формы, экспериментировать с жанрами, моделями, методами подачи материала. Таким «экспериментальным проектом» стал цикл авантюрных романов томского писателя В.В. Курицына (псевдоним *Не-Крестовский*), опубликованных на страницах местной газеты «Сибирские отголоски» в 1907–1910 гг.

Впервые примеряя на себя роль писателя-романиста, Курицын нуждался в поддержке, которую он нашел в обращении к апробированным образцам русской и зарубежной литературы. Роман был назван «Томские трущобы» – по аналогии со знаменитыми «Петербургскими трущобами», по-видимому, ставшими «источником вдохновения» для молодого автора. Псевдоним Курицына – Не-Крестовский – также отсылал читателя к хорошо известному имени русского беллетриста Крестовского. В романе Курицына, несмотря на его географическую привязку к Томску и во многом документальную основу, читатели находили многочисленные отсылки к известным художественным произведениям, в том числе к прославленному циклу английского писателя Конан Дойла о сыщике Шерлоке Холмсе. Так, например, один из персонажей «Томских трущоб» прямо был назван – «томский Шерлок Холмс», и ему был придан ряд черт знаменитого сыщика. В романе можно было найти и другие параллели и реминисценции из творчества Конан Дойла.

Цель данной работы – проследить рецепцию творчества А.К. Дойла в романе сибирского писателя В.В. Курицына «Томские трущобы», исследуя его как на уровне персонажей, так и на уровне жанровых «пересечений» английского классического детектива и сибирского «уголовного романа».

Говоря об исследовании романа «Томские трущобы», мы имеем в виду все три произведения В.В. Курицына, опубликованные в газете «Сибирские отголоски»:

«Томские трущобы» (уголовный роман-хроника, 1905–1907);

«Человек в маске» (уголовный роман из местной жизни

– продолжение «Томских трущоб», 1908–1910);

«В погоне за миллионами» (роман из современной жизни – продолжение романов «Томские трущобы» и «Человек в маске», 1910. Роман не окончен, так как газета перешла в другие руки и изменила концепцию).

Все эти произведения имели общую систему персонажей и общий сюжет, что позволяет рассматривать их как единый текст под общим названием «Томские трущобы».

Необходимо отметить, что в отечественном литературоведении изучением жанра детектива с точки зрения особенностей перевода, композиции, стилистических и жанровых особенностей занимались: А.И. Рейтблат [1], В.П. Булычева [2], Е.В. Жаринов [3], Н.М. Марусенко, Т.Г. Скребцова [4], П.А. Моисеев [5], М.А. Жиркова [6], Л.П. Дмитриева [7]. Однако эти исследования посвящены в основном крупным произведениям русской и мировой литературы таких авторов, как Э.А. По, А.К. Дойл, А. Кристи, Г.К. Честертон, Р.Л. Стивенсон, Э.К. Грин, К. Уэллс, М.Р. Райнхарт. Отечественный детектив рассматривается на материале романов Р.Л. Антропова («Гений русского сыска И.Д. Путилин»), П. Никитина («Новейшие приключения Шерлока Холмса в России»), П.П. Дудорова, П.А. Казанского. Попытки же провинциальных литераторов «вписать свое имя» в историю детективной литературы не становились предметом научной рефлексии. С этой точки зрения можно говорить о новизне и актуальности исследования, обусловленного повышением интереса к процессу формирования местной литературной традиции, основанной на достижениях «большой» русской и мировой литературы и в то же время осмысляющей на новом уровне явления местной жизни.

Авантюрный, уголовный, детективный

Обращение Курицына к творчеству Конан Дойла было отнюдь не случайным. К этому времени в России, как и во всем мире, было хорошо известно о приключениях знаменитого лондонского сыщика и его верного спутника. Произведения Конан Дойла, написанные в конце XIX в., мгновенно разошлись по всему миру, стали причиной появления его бесчисленных «двойников» [8. С. 3]. О том, что о «холмсиане» знали и в далекой Сибири, свидетельствует следующий факт: в 1899 г. в ведущей томской газете «Сибирская жизнь» на первой полосе, среди других изданий рекламировалась книга «Конан Дойль. “Записки знаменитого сыщика”. Аристократы – убийцы и мошенники. Перевод с английского. Ц. 50 к.» [9. С. 1]. Это позволяет сделать вывод о том, что для сибирского читателя имя Шерлока Холмса

было уже хорошо знакомо, чем и воспользовался Курицын, конструируя образ своего собственного персонажа.

При анализе романа «Томские трущобы» нередко возникает вопрос о том, считать ли его авантюрным романом, или «уголовным», или же детективным. Некоторые ученые (А.И. Рейтблат, Е.В. Жаринов) отмечают, что в российской литературе детектив как «чистый» жанр не был распространен. Тем не менее у русского читателя были популярны и востребованы произведения с элементами детектива – уголовный роман и сыщическая литература: «Книги российских писателей либо сближались с авантюрно-приключенческой прозой (где динамика действия и энергия героя важнее умения логически мыслить), либо превращались в социально-психологические романы (где в основе интереса – причины преступления и психология преступника)» [1. С. 341].

Произведения В.В. Курицына, безусловно, относятся к массовой литературе. При всех их достоинствах (динамика, документальная основа произведения, новаторский для Сибири жанр и т.д.) образы героев у Курицына получились довольно схематичными, сюжетные ходы нередко повторялись, действия персонажей можно было предугадать. Литературные критики и сибирские писатели отреагировали на появление этих романов довольно негативно, зато массовая аудитория с нетерпением ждала продолжения незамысловатого, хотя и захватывающего повествования. Кстати сказать, авторы этой же газеты «Сибирские отголоски» позднее писали о стремительном распространении уголовных романов в провинции: «Волна лубочной и сыскной литературы все больше и больше захлестывает нас. На улицах разносчики газет раздают объявления издательства Р. Любич, в которых публике заманчивыми словами предлагается роман «Картуш»... Вместе с этим романом полностью появилась и сыскная литература. Раньше это был намозоливший глаза «Шерлок Холмс», а теперь явились все сыскные знаменитости, как мужского, так женского пола. Мы узнали, что в Томске существует агент по распространению такой литературы, так что можно надеяться, волна этой пагубной литературы будет все больше и больше захлестывать нас» [10. С. 3].

В.В. Курицын определил жанр своих произведений как «уголовный роман» на местном материале, но ряд жанровых черт, характеризующих его текст, присущи классическому детективу. Произведения можно назвать авантюрными, так как в основе – динамичный и увлекательный сюжет, выстроенный на параметрах авантюрного времени, таких как «внезапность» и «случайность» (М.М. Бахтин).

«Томские трущобы»: краткое содержание

Прежде чем перейти к анализу рецепции творчества Конан Дойла в произведениях В.В. Курицына, представим краткое содержание «Томских трущоб».

События романа разворачиваются на томских улицах начала XX в., в Барнауле и в минусинской тайге. Основные действующие лица – местные «уголовные авторитеты» Сенька Козырь, Федька Беспалый, Филька Кривой, бывшая «этуаль» Екатерина Михайловна, карточный шулер Станислав Гудович и его сестра полька Ядвига Казимировна, сыщик Залетный, предприниматель Сергей Загорский, золотопромышленники Беркович, Бесшумных и др. Сквозным персонажем романа является таинственный Человек в маске.

Первая часть романа – «Томские трущобы» – повествует о жизни социально неблагополучных слоев общества. Именно здесь читатель впервые узнает о существовании в Томске банды «Мертвая голова», которая под предводительством таинственного Человека в маске совершает разбои и нападения.

Во второй части («Человек в маске») основное действие по-прежнему происходит в Томске, читатель полу-

чает возможность проследить за дальнейшей судьбой уже известных героев. Однако повествование уже выходит за рамки одного города, герои путешествуют по Сибири, по тайге. Основная интрига второй части – поиски таинственного «золотого ключа» (месторождения рудного золота), который позволил бы мгновенно стать миллионером тому, кто его обнаружит. В результате стечения целого ряда обстоятельств все герои встречаются в тайге, где их ждет различная судьба: убит Человек в маске, сходит с ума его бывшая возлюбленная, однако часть персонажей остается в живых и на свободе, и можно предположить, что они стали действующими лицами третьего романа.

Начало романа «В погоне за миллионами» перенесено в Петербург, и здесь мы встречаем одного из персонажей предыдущих романов. Действие обрывается на знакомстве читателей с тайным «Клубом обреченных Ваалу» (отсылка к Стивенсону), исповедующих культ золотого тельца.

В этом насыщенном событиями и персонажами тексте можно было отчетливо различить основную линию, которая формировалась вокруг противостояния «Человека в маске» и местного сыщика Залетного, что придало «Томским трущобам» характер детективного романа.

Шерлок Холмс: английский и томский

Появление в тексте романа сыщика Залетного, которого автор именует «томским Шерлоком Холсом», заставляет внимательнее присмотреться к этому персонажу, чтобы понять, действительно ли Курицын стремился придать Залетному черты его литературного прототипа.

Шерлок Холмс, главный герой целого ряда произведений Конан Дойла, имеет целый ряд характерных особенностей, которые делают его фигуру легко узнаваемой для читателя. Мышление Шерлока Холмса тесно связано с его необыкновенной способностью внимательно и зорко подмечать в окружающем мире такие явления, которые большинство людей не замечает: с первого взгляда он определяет род занятий, профессию, характер и даже прошлое человека. Он сдержан, рассудителен, физически силен. Главные мотивы раскрытия преступлений для Шерлока Холмса – не материальная заинтересованность, а неудержимая жажда к необычным и запутанным делам, любопытство, желание проверить свои способности. Он использует научные методы, умеет мастерски загримироваться, чтоб неузнанным следить за подозреваемыми. Среди его клиентов – министры, банкиры, герцоги, бедняки.

Сыщик В.В. Курицына – «экс-агент» московского сыскного отделения Артемий Залетный. Называя его «томский Шерлок Холмс», сибирский автор не только использовал образ известного литературного героя, сделал отсылку к первоисточнику, но и наделил его новыми чертами. Артемий Залетный отличается от английского коллеги: он более эмоциональный, рассчитывает скорее на силу и ловкость, чем на ум, логику и хитрость. Томский сыщик «не имеет больших денег, по временам запивает горькую», вся «блатная» публика знает его за своего человека.

В отличие от своего прототипа, Залетный – это не положительный герой, что не раз подчеркивает Курицын. Он в разное время оказывал услуги своим знакомым уголовникам: кому «очки протер» (вытравил паспортный бланк), кому «метки снял» (уничтожил инициалы на краденых вещах)» [11. С. 2]; его сожительница содержит «веселый дом», замаскированный под модную мастерскую, и т.д. Это позволяет ему получать информацию в «трущобной» среде, в ней он «свой среди своих», знает преступные нравы, обычаи, жаргон.

Чтобы вести наблюдение за преступниками, бывший сыщик переодевается то в странствующего агента ино-

странной фирмы, то в завсегда кабака на томской окраине, то в табачного продавца и т.д.: «Залетному в его бурной, полной треволнений и передраг жизни не раз, конечно, приходилось одевать всевозможные личины» [12. С. 2]. Курицын подробно описывал процесс «перерождения» своего персонажа: «Залетный подошел к платяному шкафу, порылся в нем и извлек оттуда то, что должно было способствовать изменению его внешности. Он напялил на себя старые потрепанные брючишки, засаленный порванный пиджак. Завязал шею куском материи неопределенного цвета. Натянул порыжелые стоптанные сапоги. Затем взял ящик с гримировальными принадлежностями и уселся перед зеркалом. Несколько артистически наложенных штрихов, и в зеркале отразилась одутловатая синебагровая физиономия типичного пропойцы» [13. С. 2].

Как и его «английский коллега», Залетный ловко выслеживает нужных людей, подмечает отдельные детали и т.д. Во второй части романа («Человек в маске») Артемий Залетный пытается узнать тайну предводителя банды «Мертвая голова». Сыщиком движет интерес к делу, профессиональное самолюбие, материальная компенсация для него не так важна: «Однако профессиональная гордость и желание во что бы то ни стало раскрыть тайну неуловимого “трафа” победили чувство осторожности. Он решил бороться до конца, хотя бы это стоило ему жизни» [14. С. 2]. Он оказывается единственным, кто приближается к секрету атамана и разгадывает тайну «бескровных убийств». Но наказать атамана сыщик не успевает: он погибает от руки жестокого предводителя шайки. В отличие от Конан Дойла, В.В. Курицын не стал возрождать отважного сыщика – в этом заключается принципиальное отличие Холмса томского от английского.

Враги, друзья и женщины двух Холмсов

Антипод Шерлока Холмса в произведениях А.К. Дойла – руководитель мощной преступной организации, гений криминального мира профессор Мориарти. У Конан Дойла он характеризуется так: «происходит из хорошей семьи, получил блестящее образование и от природы наделен феноменальными математическими способностями. <...> Но в его жилах течет кровь преступника. У него наследственная склонность к жестокости. И его необыкновенный ум не только не сдерживает, но даже усиливает эту склонность и делает ее еще более опасной» [15. С. 566–583]. Столкновение соперников лицом к лицу привело к их гибели в Рейхенбахском водопаде, хотя позднее А.К. Дойлу пришлось «воскресить» полюбившегося аудиторию Шерлока Холмса.

Томскому сыщику противостоит гений-злодей, таинственный Человек в маске – атаман шайки «Мертвая голова». Он описывает себя как человека, «которого никто не знает, но который знает всех, и всемогущ и могущественен! Нет такого дела, которого бы он не мог выполнить, нет таких преград, которые могли бы его остановить на полдороге», и добавляет: «И горе тому, кто идет не с ним, а против его!» [16. С. 2]. Человек в маске хладнокровен и расчетлив, изобретателен, держит в страхе томских бандитов. Кроме того, он обладает обширными научными знаниями, которые позволяют ему совершать особенно хладнокровные и таинственные убийства. Его фигура усиливает мистическую линию в романе, его имя окружено таинственным ореолом и остается неизвестно вплоть до последних страниц. Появление персонажа сопровождается голубоватым сиянием, а лицо скрыто черной бархатной маской. Всех, кто пытается ее сорвать, словно ударяет током. Личность преступника раскрывается только в последней главе «Человека в маске», когда в тайной лаборатории обнаружен дневник таинственного атамана. Им оказывается местный предприниматель Загорский, который одновременно играл роль криминального авторитета – Сашки Пройди-света.

Еще одной «приметой» классического сюжета о Шерлоке Холмсе является его партнер и друг – доктор Ватсон. С точки зрения исследователей, наличие второго персонажа в детективах Конан Дойла стало одним из ключей к секрету читательского успеха: «Конан Дойл придумал достаточно недалекого героя, чьи умственные способности несколько уступают читательским, – он назвал его доктором Ватсоном; другой герой слегка комичен и вместе с тем внушает уважение – это Шерлок Холмс» [17. С. 263].

У Конан Дойла доктор Ватсон – это врач, вернувшийся из Афганистана, порядочный и воспитанный, сострадающий и эмоциональный по сравнению с рассудительным и сдержанным Шерлоком Холмсом. Ватсон неустанно восхищается талантом своего друга, смотрит на него снизу вверх. Их диалоги – важная часть сюжетов о расследовании преступлений.

Томским «доктором Ватсоном» можно назвать помощника Залетного, который в романе зовется только по имени Сергей (Сережка). Из сюжета становится ясно, что Сергей много странствовал и перепробовал всевозможные профессии, его беспокойная натура была в вечном поиске приключений и опасностей: «Сережка с одинаковой готовностью пошел бы и на дневной грабёж и на розыски ночных громил» [18. С. 2]. Вместе с бывшим сыщиком он в роли лакея едет на пароходе до Барнаула, забирается в заброшенный дом, входит в доверие к обслуживающему персоналу. Как и Конан Дойл, Курицын придает другу сыщика функции персонажа, который задает вопросы, которому можно разъяснить происходящее, обговорить планы дальнейших действий и т.д.

В целом окружение сыщиков – и английского, и русского – состоит, конечно, преимущественно из персонажей отрицательных: собственно преступников, чьи деяния они расследуют. Положительные персонажи в романах единичны. Так, у Конан Дойла читатель погружается в мир несправедливости и социального порока. Брат невесты крадет важный государственный документ («Морской договор»), отчим убивает одну из своих падчериц, запустив в спальню девушки ядовитую змею («Пестрая лента»); жена министра, которую шантажировал бывший возлюбленный («Второе пятно»); человек из-за наследства убивает свою семью с помощью яда, украденного у известного исследователя Африки («Дьяволова нога»), и т.д. Но им противостоят персонажи положительные, в первую очередь сам Шерлок Холмс и доктор Ватсон, а также их невинные жертвы.

В романе В.В. Курицына положительных персонажей практически нет ни с той, ни с другой стороны. Ни одно действующее лицо «Томских трущоб» не вызывает особых симпатий. Крайне редко они поступают, руководствуясь добродетелью, принципами порядочности и честности, стремятся к справедливости. Пожалуй, во всем романе можно выделить только один эпизод, когда Сенька Козырь (вор и убийца) спасает деревенскую шестнадцатилетнюю девочку Олю, состоящую в публичном доме и подготовленную на насильное выданье за старика Берковича:

«В душе беглого каторжанина, закоренелого преступника, смутно зашевелилось чувство сострадания. Так в остроге можно наблюдать сцену, когда арестант, хладнокровно отправляемый к праотцам не одного человека, всаживал нож в бок своему товарищу за изувеченного котенка, любимца камеры...» [19. С. 2].

Противоречивой оказывается и фигура сыщика Залетного. Он – характерный представитель описываемого Курицыным преступного мира, и то же время он единственный оказывается способным противостоять «Человеку в маске». То же самое можно сказать и о его партнере Сережке, который кажется положительным только на фоне остальных явных преступников. В этом отношении Конан Дойл был более оптимистичен по отношению к своим персонажам, чем Курицын.

В произведениях обоих авторов прослеживается их сложное отношение к теме взаимоотношений мужчин и женщин. У Конан Дойла Шерлок Холмс – убежденный холостяк, единственный женский персонаж, который играет хоть какую-то роль для сыщика, – Ирен Адлер. Но и ее Холмс ценит скорее как достойного противника. Отношениям доктора Ватсона и его жены автор фактически не уделяет внимания.

В романах В.В. Курицына практически все сюжеты, связанные с чувственными увлечениями героев, заканчиваются трагически. Погибает возлюбленный «этуали» Екатерины Михайловны, убита цыганка Зара – любовь Сеньки Козыря, и т.д. В большинстве случаев отношения в романе носят «утилитарный», практический характер. Панна Ядвига – один из центральных персонажей – встречается с золото-промышленником ради капитала; она любит Загорского, но, повинаясь его требованиям, становится содержанкой богатей. В свою очередь Загорский ухаживает за богатой наследницей, надеясь завладеть капиталом ее семьи. Любовь носит своеобразную форму: «...Проводив Сергея, девушка не могла уже больше спать. Несмотря на оригинальную форму их сожительства, допуская частые измены любовнику, она была привязана к нему всей душой» [20. С. 2].

В центре произведений как Конан Дойла, так и Курицына – преступление, а не любовь, и это объединяет их на уровне сюжетов.

Тайны, загадки и их объяснения

В рассматриваемых произведениях как английского, так и томского авторов значительное место занимают преступления, которые разгадывают сыщики. Шерлока Холмса привлекают только необычные дела, которые не может распутать лондонская полиция: убийство сестры Элен Стоунер в запертой комнате («Пестрая лента»), кража жеребца по кличке Серебряный – первого фаворита скачек на кубок Уэссекса («Серебряный»), шантаж мирового судьи мистера Тревор («Глория Скотт») и др. Последовательное разворачивание событий позволяет читателю самому стать сыщиком, решить логическую задачу, проследить за логикой рассуждений. Незаурядные происшествия привлекают внимание к произведению, создают напряженность обстановки. Мотивы противозаконных действий в большинстве своем – желание материального обогащения, режэ – отмщения. Разгадку каждой задачи автор дает только в финале новеллы или романа. Это позволяет сохранять интригу, удерживать внимание читателя до последних строк.

В «Томских трупцах» описано множество преступлений, которые совершаются как членами банды, так и другими горожанами, но в них нет никаких загадок. Однако внимание томского сыщика привлекает загадочное – «бескровное» – убийство девушек. Преступник не оставляет следов: «Никаких признаков насилия, никаких повреждений внутренних органов! Положительно загадочный случай! Можно было предположить, что та девушка умерла от острого малокровия, если только мы не имеем дело с каким-нибудь неизвестным ядом» [21. С. 2]. Этот прием помогает «зацепить» внимание читателя, заинтриговать, пройти путь любительского расследования вместе с сыщиком, заставить прочитать произведение в поисках разгадки до последней главы. Отчасти совпадают и мотивы преступлений, чаще всего это жажда легкой наживы, корыстные побуждения. В.В. Курицын также использует необычные элементы: его герои бегают по подземным ходам, их травят загадочным газом, неведомым образом обнаруживаются письма с изображением черепа и т.д.

Интересно, что и у Конан Дойла, и у Курицына прослеживается тема отражения преступлений на страницах периодических изданий: Шерлок Холмс внимательно следит за тем, что пишут в газетах о ходе расследования, а в романах

томского автора о некоторых преступлениях сообщают в судебной хронике периодических изданий.

Заметим, что таинственные явления в романах и Конан Дойла, и Курицына обязательно получали рациональные объяснения. Конан Дойл и его персонажи – Шерлок Холмс и профессор Мориарти – разделяли широкую веру в силу науки. В раскрытии преступлений сыщику помогает соблюдение научных методов, логика, внимательность и дедукция. Ключевыми моментами метода являются наблюдательность и экспертные знания во многих практических и прикладных областях науки, зачастую относящихся к криминалистике. Стоит отметить, что Холмс не лишен и псевдонаучных представлений: в рассказе «Голубой карбункул» он предполагает, что человек, который носит шляпу большого размера, прекрасно интеллектуально подкован. Часто Уотсон застаёт его за химическими экспериментами. При помощи науки развенчивается мистификация: знания и наблюдательность помогают Шерлоку Холмсу объяснить происхождение молний в таинственном доме, движущихся, светящихся скелетов и других загадочных явлений.

В романах В.В. Курицына научные знания сделали «Человека в маске» изобретательным гением преступного мира. Обыкновенный человек, обладающий «громдным научным багажом», он создал ореол таинственности и мистики. В роли неуловимого «графа» преступник убивает своих жертв «посредством трансфузии», а скрывающая его лицо маска заряжена электричеством, которое и отбрасывает тех, кто пытается ее сорвать. Именно знания и аналитический ум позволяют таинственному персонажу оставаться нераскрытым до последних страниц авантюрного романа. Один из пособников преступника находит его личный дневник, содержание которого подтверждает мысль автора о том, что именно научные знания «Человека в маске» создали ему репутацию всемогущего и неуловимого. Записки преступника имеют и научную ценность, так как могли бы «внести много полезного в литературу судебной медицины» [22. С. 2].

Характеристики романых хронотопов

Как и Конан Дойль, Курицын выстроил свои романы практически на документальной основе, используя реально существующие топонимы и опираясь на современные ему реалии сибирской жизни. В этом он следовал – в том числе и традиции Конан Дойля, который вводил читателя в европейский мир второй половины XIX в. У английского мастера детектива нет попыток идеализации старины, представления Англии как страны сельских усадеб, джентльменов и леди, поместий в сельской местности. В изображении Конан Дойля Великобритания рубежа веков – это мастерская мира, страна колониальной экспансии, рабочих, капиталистов, строительства железных дорог. Расследования Шерлока Холмса проходят в Лондоне и его окрестностях, в романах речь идет о лавочниках, рабочих, банкирах, редко действия разворачиваются за рубежом, как в «Последнем деле Холмса». Читатель не только следит за расследованием, но и рассматривает Лондон 1880–1890-х гг., знакомится с образом жизни и традициями англичан конца XIX в. Благодаря внимательному сыщику, подмечающему детали, читатель в подробностях представляет место преступления. Для романов и новелл Конан Дойля характерно классическое пространство «запертой комнаты», значительно ограничивающей круг подозреваемых и превращающей преступление в логическую задачу. Время в произведениях Конан Дойла постоянно замедляется отступлениями, объяснениями, описаниями пространства и деталей. Но динамика поддерживается диалоговым характером построения текста и использованием глагольных форм.

Действия романов В.В. Курицына разворачиваются преимущественно на томских улицах и в хорошо знакомых

местным жителям районов: Магистратская улица, Аптекарский переулочок, Буфф-сад, Болото и т.д. Читатель мог предположить происходящие в романе криминальные события, которые случались в знакомых местах. Во второй части произведения география расширяется, герои перемещаются по Сибири: путешествуют по реке на Алтай, ищут золото в Минусинской тайге, едут в Красноярск.

Примечательно, что в начале XX в. в Томске наблюдается интерес аудитории, литераторов и режиссеров к просторам социального дна, нового для художественной литературы. Так, в 1902 г. на сцене томского театра Королева сначала были поставлены «переделка из романа Крестовского “Петербургские трущобы”» [23. С. 2], а затем – «драма в пяти действиях с прологом и эпилогом “Парижские нищие”». В.В. Курицын, поддерживая волну этого внимания к «трущобам», описывал харчевни и трактиры на окраине города, глухие и темные переулочки районов Болото и Заисток, квартиры «томских гейш» и т.д. Но томский сыщик, в отличие от английского коллеги, не был так внимателен к мелочам, его взгляд позволял составить только беглое, поверхностное описание места происшествия.

Время романа «Томские трущобы» было знакомо читателю, об этом свидетельствуют названия реально существующих улиц, цены на извозчиков и в ресторанах, события, которые близки к реальной картине жизни города. Криминальные хроники Томска были полны описаниями преступлений, которые практически дословно повторялись в «Томских трущобах». Сравним заметку в «Сибирской жизни» и пересказ одного из романтических эпизодов:

«Сибирская жизнь»: «19 января на Вокзальной улице, в снегу, стражниками ночной охраны был поднят в бессознательном состоянии томский мещанин А.Г. Томсон, почти совершенно раздетый. Томсон, придя в сознание, объяснил, что был на квартире М. Мордуховича, на той же улице, но как он оказался на улице и кто снял с него одежду – не помнит. Произведенным по этому делу дознанием обнаружено, что потерпевший, действительно, в тот вечер был у Мордуховича, где выпивал водку. Мордухович подал Томсону какую-то жидкость темного цвета, которую Томсон, приняв за водку, выпил и впал в бессознательное состояние. Мордухович и проживающий у него Мутовкин сняли с Томсона пиджак и золотое кольцо и вынесли на улицу, где уже некий С. Авдеев снял с него сапоги» [24. С. 2].

«Томские трущобы», первая часть романа: Егорин привез Василия Ивановича – богача «с золотой цепью на шее и тридцатью тысячами кругленьких» на квартиру к местным «этуалам». Опьяненного и разгоряченного «близостью женского тела» гостя напоили коньяком с «щепоткой чего-то белого», а затем обокрали и вывезли на берег Томи. После чего Василия Ивановича задушили и утопили в реке [25. С. 2].

В обоих случаях жертвы были опоены и затем обокраены на квартирах у своих знакомых, причем в романе персонаж еще и лишился жизни.

Время в произведениях В.В. Курицына крайне редко замедляется описаниями и отступлениями, автор усиливает диалоговую составляющую, использует глаголы действия, что делает повествование динамичным. Время произведений В.В. Курицына разворачивается равномерно, автор использует прием ретардации для воссоздания истории персонажей: рассказывает о прошлом сыщика Залетного, об ак-

терской бытности бывшей этуали Екатерины Михайловны, о несчастной любви Ивана из разбойничьей шайки и т.д.

Выводы

Исследование позволяет сделать вывод о том, что сибирский романист В.В. Курицын (Не-Крестовский) во многом «позанимствовал» жанровые черты классического детектива, сформировавшиеся в произведениях Конан Дойла. Усвоение (рецепция) творческих находок английского мастера детектива позволила начинающему автору раздвинуть жанровые и сюжетные рамки своего романа, вписать его в устойчивую литературную традицию.

Противостояние преступника и сыщика, являющееся центром классического детективного романа, у Курицына было только одним из элементов сюжета. Однако сибирский автор намеренно акцентировал внимание читателей на том, что его сыщик – «томский Шерлок Холмс», тем самым подчеркивая его особую проницательность и успешность в раскрытии преступлений. В конструировании образа гениального сибирского сыщика Курицын использовал хорошо известные читателям черты знаменитого английского детектива: умение менять внешность, знание человеческой природы, потребность в друге (докторе Ватсоне) и т.д.

В произведениях Конан Дойла и Курицына можно найти ряд общих типологических черт, свойственных детективному повествованию: интеллектуальная схватка преступника и детектива, отсутствие любовной интриги, документальная основа произведений, похожий подход к выстраиванию хронотопа произведения и ряд других. Сюжетообразующим является деятельность преступной группировки, сквозной линией проходящей через все части «Томских трущоб». Внимание читателя концентрируется не на отношениях между героями, а на детективной линии. О такой черте классического детектива пишет В.П. Булычева: «Ведущее место в нем все же отводится расследованию, поэтому описание характеров и чувств персонажей отходят на второй план» [2. С. 35].

Однако были и принципиальные различия, обусловленные выбранным жанром романа «Томские трущобы». Так, Курицын оборвал детективную линию, связанную с сыщиком Залетным, убив «томского Шерлока Холмса», поскольку его роман в первую очередь был авантюрным и уголовным. Справиться с таинственным «Человеком в маске» детектив оказался не в силах: Курицын представил эту роль судьбе, роковому стечению обстоятельств. Показательно и отсутствие в сибирском романе положительных персонажей, открытого противостояния добра и зла. У Курицына есть только большее зло и меньшее, между которыми идет борьба, изредка втягивающая в эту орбиту невинных жертв.

Несмотря на использование жанровых черт произведений Конан Дойла, в данном случае уместно говорить не о классическом детективе, а скорее о детективном мотиве, который соотносится с мотивами тайны, загадки, головоломки. При этом Курицын учел специфику томского читателя, добавил местного колорита. Такой синтез авантюрного, уголовного и детективного позволил Курицыну чувствовать себя довольно свободно в жанровом пространстве романа «Томские трущобы», совмещать разные литературные традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.
2. Булычева В.П. Структурно-композиционные особенности детективного жанра // Актуальные вопросы филологических наук : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2013 г.). Чита : Молодой ученый, 2013. С. 32–38.
3. Жаринов Е.В. Фэнтези и детектив – жанры современной англо-американской беллетристики. М. : Международная Академия информатизации, 1996.
4. Марусенко Н.М., Скребцова Т.Г. Типичное и нетипичное в структуре детектива // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 74–79.

5. Моисеев П.А. Поэтика детектива. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 240.
6. Жиркова М.А. Детектив: история возникновения и развития жанра // Программы курсов по выбору и дисциплин регионального компонента : сб. науч. программ. СПб., 2007. С. 41–54.
7. Дмитриева Л.П. «Забывтые» детективы Эдгара По // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 2. С. 50–59.
8. Дойл А.К. Записки о Шерлоке Холмсе / вступ. ст. К.И. Чуковского. М. : Правда. 1983.
9. Сибирская жизнь. 1899. № 163. С. 1.
10. Сибирские отголоски. 1908. № 135. С. 3.
11. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1907. № 46. С. 2.
12. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1908. № 164. С. 2.
13. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1908. № 173. С. 2.
14. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1907. № 73. С. 2.
15. Дойл А.К. Весь Шерлок Холмс : [сборник]. М. : АСТ, 2019. 1392 с.
16. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1907. № 42. С. 2.
17. Борхес Х.Л. Сочинения в трех томах. 2-е изд., доп. / пер. с исп.; сост., коммент. Б. Дубина. Рига : Полярис, 1997. Т. 3. 607 с.
18. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1908. № 179. С. 2.
19. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1908. № 156. С. 2.
20. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1908. № 189. С. 2.
21. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1908. № 172. С. 2.
22. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1910. № 14. С. 2.
23. Сибирская жизнь. 1902. № 230. С. 3.
24. Сибирская жизнь. 1904. № 46. С. 2.
25. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1907. № 33. С. 2.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 сентября 2019 г.

The Reception of Arthur Conan Doyle's Works in Siberian Pre-Revolutionary Literature (Based on Novels by Valentin Kuritsyn)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 22–28.

DOI: 10.17223/15617793/450/3

Mariya V. Mogilatova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: newspaper_2401@mail.ru

Keywords: Arthur Conan Doyle; Valentin Kuritsyn; Sherlock Holmes; detective; reception.

The aim of this work is to trace the reception of Arthur Conan Doyle's works in *Tomskie trushchoby* [The Tomsk Slums], a novel of the Siberian writer Valentin Kuritsyn. The novel is analysed both at the level of characters and at the level of genre “intersections” of the English classical detective and the Siberian “criminal novel”. *Tomskie trushchoby* is actually a cycle of adventure novels written by the Tomsk writer Kuritsyn (whose pseudonym was Ne-Krestovsky) published on the pages of the local newspaper *Sibirskiy otgoloski* in 1907–1910. The cycle consists of three works by Kuritsyn: *Tomskie trushchoby* [The Tomsk Slums], *Chelovek v maske* [The Man in the Mask], *V pogone za millionami* [Chasing the Millions]. All these works have a common system of characters and a common plot, which allows considering them as a single text under the general name *Tomskiy trushchoby*. Using a comparative analysis, the author explores Conan Doyle's famous series about the detective Sherlock Holmes and Kuritsyn's criminal novels based on the local material according to the following parameters: the system of characters, the chronotope, detective motifs, plot lines; special research attention is paid to typological features inherent in a detective story. The study allows concluding that the Siberian novelist Kuritsyn (Ne-Krestovsky) in many ways “borrowed” the genre features of the classical detective story formed in the works of Conan Doyle. The assimilation (reception) of Doyle's creative discoveries allowed the novice author Kuritsyn to expand the genre and plot frames of his novel and fit it into the literary tradition. Conan Doyle's and Kuritsyn's works have a number of common typological features characteristic of a detective story: the intellectual battle between the criminal and the detective, the absence of a love affair, the documentary basis of the works, a similar approach to building the chronotope of the work, and a number of others. However, there were fundamental differences due to the chosen criminal novel genre of *Tomskiy trushchoby*: the plot of Kuritsyn's novel is based on the activity of a criminal group. Thus, despite the genre features common with Conan Doyle's works, Kuritsyn did not write a classical detective story, but rather used a detective motive, which correlates with the motives of mystery, riddle, puzzle. Kuritsyn also took into account the specificity of the Tomsk reader, and added local flavour to the novel. Such a synthesis of an adventurous, criminal and detective story allowed Kuritsyn to feel quite free in the genre space of the novel *Tomskiy trushchoby* to combine different literary traditions.

REFERENCES

1. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bovya k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Bulychева, V.P. (2013) [Structural and Compositional Features of the Detective Genre]. *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk* [Topical Issues of Philological Sciences]. Proceedings of the 2nd International Conference. Chita. July 2013. Chita: Molodoy uchenyy. pp. 32–38. (In Russian).
3. Zharinov, E.V. (1996) *Fentezi i detektiv – zhanry sovremennoy anglo-amerikanskoy belletristiki* [Fantasy and Detective Fiction: Genres of Modern Anglo-American Fiction]. Moscow: Mezhdunarodnaya Akademiya informatizatsii.
4. Marusenko, N.M. & Skrebtsova, T.G. (2013) Typical and Non-Typical in the Structure of Detective Stories. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*. 4. pp. 74–79. (In Russian).
5. Moiseev, P.A. (2017) *Poetika detektiva* [Poetics of the Detective Story]. Moscow: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki.
6. Zhirkova, M.A. (2007) *Detektiv: istoriya vznikeniya i razvitiya zhanra* [Detective Fiction: The History of the Emergence and Development of the Genre]. In: *Programmy kursov po vyboru i distsiplin regional'nogo komponenta* [Programmes of Elective Courses and Disciplines of the Regional Component]. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 41–54.
7. Dmitrieva, L.P. (2012) “Forgotten” Novels by Edgar Poe. *Tekst. Kniga. Publishing*. 2. pp. 50–59. (In Russian).
8. Doyle, A.C. (1983) *Zapiski o Sherloke Kholmse* [Notes About Sherlock Holmes]. Translated from English. Moscow: Pravda.
9. *Sibirskaya zhizn'*. (1899) 163. p. 1.
10. *Sibirskie otgoloski*. (1908) 135. p. 3.
11. Ne-Krestovskiy, V. (1907) *Tomskie trushchoby* [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 46. p. 2.
12. Ne-Krestovskiy, V. (1908) *Tomskie trushchoby* [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 164. p. 2.

13. Ne-Krestovskiy, V. (1908) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 173. p. 2.
14. Ne-Krestovskiy, V. (1907) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 73. p. 2.
15. Doyle, A.C. (2019) *Ves' Sherlok Kholms* [All Sherlock Holmes]. A Collection of Stories. Translated from English. Moscow: AST.
16. Ne-Krestovskiy, V. (1907) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 42. p. 2.
17. Borges, H.L. (1997) *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in Three Volumes]. Translated from Spanish. 2nd ed. Vol. 3. Riga: Polyaris.
18. Ne-Krestovskiy, V. (1908) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 179. p. 2.
19. Ne-Krestovskiy, V. (1908) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 156. p. 2.
20. Ne-Krestovskiy, V. (1908) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 189. p. 2.
21. Ne-Krestovskiy, V. (1908) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 172. p. 2.
22. Ne-Krestovskiy, V. (1910) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 14. p. 2.
23. *Sibirskaya zhizn'*. 1902) 230. p. 3.
24. *Sibirskaya zhizn'*. (1904) 46. p. 2.
25. Ne-Krestovskiy, V. (1907) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 33. p. 2.

Received: 25 September 2019